

Николай Добролюбов

Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами

Николай Александрович Добролюбов

Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами

Статья «Всероссийские иллюзии...» – вклад Добролюбова в обсуждение вопроса об отмене телесных наказаний – одного из важнейших в России середины XIX века. Порождение крепостничества, розга имела широчайшее применение в николаевской России: поролли уголовных преступников из «низших» сословий, солдат в армии, крестьян в помещичьих имениях и государственных деревнях, поролли детей в школах. Но и оставаясь в рамках закона, телесное наказание исполняло свою социальную функцию нравственного подчинения личности, поддержания сословной иерархии и «авторитета» власти. Поэтому отмена телесных наказаний воспринималась передовой русской мыслью как важнейшая после уничтожения крепостного права общественная задача.

Содержание

#1	0005
Примечания	0064

**Николай Александрович
Добролюбов
Всероссийские иллюзии,
разрушаемые розгами**

Tu quoque, Brute!..[1]

В русской жизни возникают иногда отрадные явления, способные привести в умиление даже человека не совсем простодушного, – являются герои мысли и слова, выступающие прямо и безбоязненно на смертельную борьбу с застарелыми предрассудками и общественной неправдой. Посмотришь на них, оглянешься вокруг себя – и невольно склонишь голову пред их доблестью. Около них со всех сторон теснятся враги, их окружает бесчисленное войско рутинистов, невежд, негодяев, пошляков всякого рода, и несмотря на то – благородные герои смело поднимают новое, враждебное злу знамя и самоотверженно подвергают себя всем опасностям неравного боя. Невольно сами враги изумляются богатырской доблести, и в некоторой части неприятельского лагеря даже проявляется движение в пользу отважных героев и желание стать под их знамя. Еще немного – и вот, кажется, совершится одна из тех чудесных побед, о которых рассказывается нам в богатырских сказках...

Но времена богатырских сказок давно прошли, и мы всегда жестоко ошибаемся, когда

вздумаем применять их мирозозерцание к настоящему времени. Воображение наше, еще в раннем детстве расстроенное фантастическими бреднями нянюшек, нередко обливает для нас каким-то волшебным светом простые явления действительной жизни; но зато как приходится нам краснеть и стыдиться, когда эти явления вдруг предстанут нам в своем настоящем свете!!

Нас лично нельзя упрекнуть в особенной склонности к увлечениям розовыми надеждами. Мы не раз отзывались холодно и даже насмешливо о таких явлениях, от которых другие ожидали чуть не установления всеобщего благоденствия. Но и мы не остались совершенно чистыми от ребяческих увлечений. Со стыдом и прискорбием пришлось нам недавно вспомнить об одном из них, и мы спешим очистить себя публичным покаянием и откровенным изложением дела.

Начнем с нескольких общих объяснений.

Известно, что в последнее время обнаружилось в России много хороших литераторов во всех сферах общественной деятельности – в полицейской, в медицинской, в комиссари-

атской, в судебной, в откупной, и пр., и пр. {1}.
Современные Фамусовы, полагающие, что

Написано – и с плеч долой, —

возложили на этих литераторов твердые надежды относительно всех предстоявших усовершенствований русского быта. Мы с самого начала смотрели довольно недоверчиво на эти надежды, и действительно, когда доходило в чем-нибудь до дела, то специальные литераторы оказывались по большей части или совсем неподходящими к своим теоретическим убеждениям, или по крайней мере весьма податливыми на уступки. Уступок этих мы могли бы здесь указать много, но не считаем этот предмет таким малоизвестным, чтоб о нем стоило распространяться. Притом же практическая уступчивость рьяных теоретиков не представляет сама по себе ничего необычайного: она, напротив, совершенно в порядке вещей. Человек выступает на битву и вдруг видит, что против него тысяча врагов: естественно, что он должен – или бежать совсем, или сделать несколько таких уступок, после которых хотя часть противников пере-

шла бы на его сторону. Зато у него остается надежда побить самых закоснелых врагов. Начальник, преследующий взятки, но чувствующий себя бессильным для их искоренения, наконец допускает *благодарность* и ограничивается тем, что запрещает лишь *вымогательство*. На такого начальника нельзя очень сильно нападать; можно только спорить, действительно ли применима и практична предположенная им грань между благодарностью *вынужденною* и *невынужденною*. Да можно еще сожалеть о той среде, которая принуждает начальника, желающего добра, к подобным уступкам... А впрочем, и на эту *среду* напускаться особенно – тоже не стоит: ее развитие зависит от многих внешних условий, которых она не могла до сих пор ни отворотить, ни изменить. Стало быть, с которой стороны ни возьми дело – волноваться не стоит, а следует только, подобно старому подьячему при назначении нового, неумелого начальника, сказать совершенно спокойно: «Приняться-то наш герой хочет как будто и прытко, да концов-то не сведет; упрыгается на первых же порах, утомонится, и пойдет все

опять по-старому...»{2}

Так большею частью мы и говорили, когда новые Фамусовы показывали нам какую-нибудь статейку и восклицали: «Смотрите, что написано! смотрите, как написано! Теперь эта часть у нас отлично пойдет: о ней уж так много написано...» и т. п. Но раз и мы уподобились Фамусову; это было в начале нынешнего года, когда в литературе нашей уже замирал, сопровождаемый «Свистком», один из горячих вопросов нашей литературы – вопрос о розгах, о том, *бить или не бить*.

Вопрос этот, как известно, еще в 1857 году обсуживался в «Земледельческой газете» г. Орловым-Давыдовым и решался положительно: *бить!* «Современник» имел тогда наивность удивиться такому явлению в литературе, ставящей себе в главную заслугу свои гуманные стремления{3}. Но другим статейка г. Орлова-Давыдова показалась несколько не странною, и вскоре после нее начали появляться другие статейки, трактовавшие о том,

*Как человека разложить —
По строгим правилам науки...{4}*

Известно, что в защите розог отличались, между прочим, гг. Петрово-Соловово и Роцкаковский, но что вся ответственность пала на князя Черкасского, предложившего восемнадцать ударов...{5} Против него написаны были весьма красноречивые заметки и письма {6}, которые до того убедили его, что он печатно отрекся от своих положений{7}. А г. Аксаков, кроме того, объявил, что требование восемнадцати розог князем Черкасским было не что иное, как уступка с его стороны из снисхождения к господствующим понятиям большинства дворян{8}. Конечно, по ходу дела уступка эта оказалась ненужною и слишком уже издалека предусмотренною; но тем не менее после сказания об уступке поведение князя Черкасского в этом вопросе оказалось таким же – ни хуже, ни лучше, – как и поведение почти всех наших публицистов и передовых людей нашей словесности – почти во всех других вопросах.

Вскоре после образца такой уступки в деле о телесном наказании крестьян мы увидели подобную же уступчивость одного из передовых людей наших – в вопросе о сечении де-

тей. В феврале прошлого года, разбирая отчет о Московской коммерческой академии г. Киттары, мы заметили, что он, не одобряя собственно розог, сек, однако же, воспитанников академии – *«в минуты сомнения в непогрешимости своего взгляда»*. Нас очень поразило тогда это странное обстоятельство, что некоторые из воспитанников должны были платиться своею кожею за то, что подвергались инспектору с проступками в те минуты, когда он *«сомневался в непогрешимости своего взгляда»*. Нас очень опечалило тогда не только самое открытие, что детей секут еще в заведении, вверенном начальству такого человека, как г. Киттары, но и то, что этот человек так легко и наивно отзывается об этом предмете... Под влиянием этих впечатлений прочитали мы брошюрку г. Пирогова, в которой, между прочим, была статейка: *«Нужно ли сечь детей?»* – и прониклись восторженным удивлением к твердости и ясности воззрений знаменитого хирурга и педагога. Мы поспешили выразить свой восторг, сопоставивши сомнения г. Киттары с твердою и простою речью г. Пирогова, убежденного и убеж-

давшего тогда, что розга всегда и для всякого – вредна, позорна и безнравственна{9}. Указывая на г. Пирогова как на образец непреклонной последовательности своим убеждениям, как на одну из личностей, на которых действительно могут покоиться надежды общества, – мы говорили:

Мы, конечно, не ставим г. Пирогова на пьедестал непогрешимости, мы не с тем указываем на него, чтобы его авторитетом унижить кого-нибудь. Во-все нет; у г. Пирогова могут быть, конечно, и увлечения и погрешности, как у всякого другого... Но мы видим в нем ту смелость и беспристрастие взгляда, ту искренность в признании недостатков, ту независимость в отношении к обществу, которые у других находим в гораздо слабой степени... («Современник», 1859, № 2, библиография, стр. 282).

К этому отзыву мы прибавляли еще следующее замечание: «Разумеется, здесь многое зависит от разницы положения и обстоятельств, и мы никогда не решимся никого обвинять за кажущуюся непоследовательность

взгляда, пока более яркие факты не решат дела». Следовало бы прибавить: «и никогда не осмелимся никого превозносить за кажущуюся твердость и последовательность взгляда, пока это не выкажется решительно в практической деятельности». Но мы тогда в своем восторге не сообразили этого. Нам казалось, что прекрасные педагогические убеждения г. Пирогова будут проводиться им и на практике так же неуклонно, как проводятся в его статейках. Мы надеялись, что по своему положению, находясь в обстоятельствах сравнительно очень благоприятных, он будет в состоянии весьма близко подойти к осуществлению своих идей о воспитании. Но всего более мы были уверены в том, что в заведениях, вверенных попечительству г. Пирогова, не будут сечь детей...

За свое легкоеверие мы недавно были наказаны горьким разочарованием!

В XI № «Журнала для воспитания» за 1859 год напечатаны: «Правила о проступках и наказаниях учеников гимназий Киевского учебного округа», изданные г. Пироговым 22 июля 1859 года. Правила эти составлены для того,

чтобы устранить разнообразие во взгляде на начальников на проступки гимназистов и на значение самых наказаний. Цель эта выражена г. Пироговым в следующих строках:

Нехорошо, если в том же учебном округе (в котором иногда ученики переходят из одного заведения в другое) за тот же самый проступок один директор будет сечь или исключать ученика, а другие прощать его или слабо наказывать. При таких противоречиях и упущениях нельзя развиваться чувству законности в учащих. Воспитанники, видя такую разнообразность взглядов и действий воспитателей, непременно придут к тому заключению, что действиями их управляет не закон, а случай, каприз, произвол и страсти. Доверие к законности действий в таком случае нарушается, а вместе с этим исчезает и всякое чувство правды и законности.

Чтобы предотвратить такое печальное явление, г. Пирогов считает необходимым – не только составление общих правил для всех гимназий, но и ознакомление с этими прави-

лами самих учеников, с самого вступления их в гимназию, для того «чтобы учащиеся были убеждены, что никакой их проступок не останется скрытым и необсужденным и что *каждое наказание проистекает как бы само собою, из сущности и характера проступка*».

Читая это вступление к «Правилам», мы еще продолжали чувствовать прежнее удивление к непреклонности и твердости г. Пирогова в проведении своих общих принципов. Мы видели в фразах, подчеркнутых нами выше, полнейшее отрицание розги, которая никак уж не может служить к развитию в детях *чувства законности* и никак не принадлежит к числу рациональных наказаний, *вытекающих из сущности самого проступка*. Читая далее, мы еще более утвердились в своей уверенности, увидевши, что «Правила о наказаниях» составлены были под председательством г. Пирогова целым комитетом, членами которого были: помощник попечителя Киевского округа, директора гимназий, инспектор казенных училищ, некоторые профессора (истории – В. Шульгин^{10}, педагогики – Гогоцкий) и некоторые учителя. Такой состав ко-

митета не мог внушать никаких опасений, и мы читали далее «Правила» в полной уверенности найти в них только рациональные, естественные, гуманные меры, пользу которых всегда проповедовал г. Пирогов. Тем тяжелее было наше разочарование.

Нас очень неприятно поразила уже и таблица о числе высеченных в 1858 году гимназистов в Киевском округе. По сведениям, вытребованным г. Пироговым из разных дирекций, оказалось следующее:

В 1858 году наказано было розгами:

- 1) В Киевской 2-й гимназии; из 625 – 43
- 2) «Житомирской»; «; «; 600 – 290
- 3) «Немировской»; «; «; 600 – 67
- 4) «Подольской»; «; «; 400 – 37
- 5) «Полтавской»; «; «; 399 – 39
- 6) «Ровенской»; «; «; 300 – 6
- 7) «Нежинской»; «; «; 260 – 20
- 8) «Новгородсеверской»; «; «; 250 – 8
- 9) «Черниговской»; «; «; 240 – 18
- 10) «Велоцерковской»; «; «; 220 – 38
- 11) «Киевской 1-й»; «; «; 215 – 3

Одна эта таблица способна уже убедить внимательного педагога в том, как напрасно

и неразумно употребляется розга в нашем воспитании. Одно сравнение этих данных может оправдать самое решительное изгнание розги из гимназий. Мы видим, например, что в Житомирской гимназии секут в 7 раз чаще, чем в Киевской 2-й, и в 85 раз чаще, чем в Киевской 1-й. В Киевской 1-й было только *три* случая, когда понадобились розги, в Житомирской же их было 290, то есть половина из всего числа гимназистов была пересечена! А если мы припомним № 205 Училищного устава 1828 года, по которому розги дозволяется употреблять *только в трех низших классах*, то окажется, что *каждый* мальчик был (по среднему расчету) непременно раз высечен в течение года, а если кто избежал этого удовольствия, то, значит, вместо него надо считать за другим *двойное* или *тройное* и т. д. розочное наставление... Да еще из выражения, употребленного в «Правилах», не видно, считается ли в этой таблице *каждый раз* или *только каждый человек*. Не сказано: «было *столько-то* случаев сеченья», а говорится только: «*столько-то* учеников высечено»... то есть может быть, если один и тот же ученик

50 раз в году высечен, так все это считается за единицу... Но даже если и не так, то все-таки – какой ужас и мрак должна представлять собою Житомирская гимназия! В году менее двухсот учебных дней; а тут 290 человек подвергаются порке; значит, каждый божий день в Житомирской гимназии порют, да еще и не по одному человеку!.. И все это делается в 1858 году, который, кроме того, что вообще принадлежит *настоящему времени*, когда и пр.{11}, – замечателен в этом случае еще и тем, что в течение второй его половины (с августа) Киевский учебный округ находился под попечительством г. Пирогова! И заметьте еще, что цифра «290» стоит в отчете, доставленном попечителю самою дирекцией). Между тем кто же не знает, что где наказания так обыкновенны и часты, там почти нет возможности свести им верный счет за целый год. Другое дело – 1-я Киевская гимназия, Ровенская и Новгородсеверская: там в целый год случилось высечь – в одной 3, в другой – 6, в третьей – 8 человек. Тут сосчитать нетрудно, и мы не имеем причин прямо сомневаться в верности показаний. Но 290 в год – тут

весьма нетрудно сбиться в счете! Да и едва ли кому-нибудь из начальства Житомирской гимназии казалось особенно важным вести точный счет экзекуциям, которые оно раздавало так щедро и которым, как видно, вовсе не придавало какого-нибудь чрезвычайного значения.

Но г. Пирогов доверчиво останавливается на цифре, показанной дирекцією, и делает следующие соображения: «Разность в численности телесных наказаний нельзя объяснить различною численностию учеников и различною степенью их нравственного развития; мы видим, что в гимназиях, одинаково многолюдных и при сходных условиях, число телесных наказаний было далеко не одно и то же; потому *этот факт не может быть иначе объяснен, как неопределенностью взглядов гг. директоров и наставников на проступки и наказания учеников*, Неужели нравственное развитие учеников 2-й Киевской, например, и Житомирской гимназии так различно, чтобы им одним можно было объяснить, почему в одной из них, почти при одинаковом числе учащихся (625–600), высечены

были в прошлом году *только* (только!!) 43, а в другой почти 300 учеников!»

Как видите, г. Пирогов чрезвычайно легко и снисходительно смотрит на вопиющие ужасы, представленные ему в сведениях о числе высеченных мальчиков. Его не возмущает злодеяние, регулярно совершающееся над несчастными мальчиками в одном из подведомственных ему заведений; он имеет дух сказать даже: «*только*» в приложении к той гимназии, в которой секут несколько меньше. Всего более озабочивает его то обстоятельство, что взгляды разных директоров не приведены к единству... Признаемся, не такого тона, не таких чиновнических рассуждений ожидали мы от автора «Вопросов жизни»!{12}

Но окончательно пристыжены мы были в своем прежнем восторге от г. Пирогова, когда дошли до того места «Правил», где почтенный педагог доходит до изложения теоретических и практических соображений своих относительно телесного наказания. Тут происходит в «Правилах» такое неловкое и неуклюжее балансирование на розгах, что неволь-

но сердце замирает со страха за шаткое положение балансирующих. Сначала говорится, что розга – «гнусна, вредна», что ее *нужно* во все изгнать; потом, что изгнать ее *нельзя*; потом, что это *трудно*; наконец – что ее следует употреблять, только редко... Все это так плохо вяжется с прежними убеждениями автора «Вопросов жизни», так несообразно само по себе, так противоречит основной цели составления «Правил», что мы для полного вразумления несколько раз прочитали этот странный пункт и наконец, убедившись в печальной истине и вспомнив прежнюю защиту детей от розог г. Пироговым, могли только воскликнуть внутренне: *tu quoque, Brute!!*

Но постараемся проследить с некоторой обстоятельностью эту странную игру фантазии и остроумия г. Пирогова. Постараемся сделать свои замечания возможно спокойными и умеренными. Предмет сам по себе, правда, таков, что о нем спокойно говорить почти невозможно: тут нужно – или оплакивать падение человека и принципа, или добродушнейшим образом смеяться над иллюзиями и разочарованиями человечества. Мы более бы-

ли бы наклонны к последнему; но нас отчасти останавливает следующее заключение, которым оканчивается первая часть «Правил» г. Пирогова:

Я должен объявить дирекциям, что и таблицу и мнения, обсужденные комитетом о проступках и наказаниях, несколько не рассматриваю я как совершенно уже законченные и не подлежащие дальнейшим улучшениям и изменениям, на которые может указать время и опыт. Потому я прошу всех и каждого из воспитателей сообщить мне, чрез педагогический совет или в виде отдельных мнений, сделанные ими замечания, замеченные недостатки и указать на придуманные каждым исправления.

Таким образом, г. Пирогов сам просит, чтобы на его «Правила» делали замечания все воспитатели. Мнения и указания их он желает принять к сведению. Но, кроме того, г. Пирогов сам печатает свои «Правила» в журнале и, следовательно, подвергает их обсуждению не одних уже воспитателей, а всей публики. Это черта такого просвещенного и благород-

ного воззрения на свое дело, что уже ею одной значительно умеряется раздражение, которое способны возбудить во многих сами «Правила». Г-н Пирогов не ошибся, решившись обнародовать все, что ни предпринимает он в администрации Киевского учебного округа. Теперь многие из его распоряжений могут быть критикованы, могут обнаружиться ошибки, указываться уклонения от его собственных воззрений и т. п. Но никогда нападения на него не могут достичь той степени ожесточения и судорожной ярости, до какой они дошли бы непременно, если бы все дело велось втихомолку и литература должна была бы выискивать посторонние предлоги, чтобы добраться до г. Пирогова. Теперь по крайней мере дело чистое, и никто не может быть обманутым. Публика видит, что напечатано г. Пироговым, видит и то, что печатается против него. Следовательно, как бы ни жестоки были нападки, все-таки г. Пирогов в общем мнении получает лишь то, чего он действительно заслуживает.

Приведем же в подлиннике фатальную страницу «Правил», трактующую о розгах, —

чтобы читатели, не имеющие под руками «Журнала для воспитания», сами могли проверить наши замечания. Вот сентенции «Правил»:

Опытom дознано, что уменьшение числа преступлений в обществе и улучшение нравственности зависит не столько от строгости наказаний, сколько от распространения убеждения, что ни одно преступление не останется неоткрытым и безнаказанным. Это же убеждение должно стараться распространить и между учащимися и доказывать им его на деле. Имея это в виду, предлагаемые здесь правила о проступках и наказаниях и определяют только для немногих, исключительных случаев строгие телесные наказания. Известно, что как бы наказание ни было жестоко и унижительно, к нему можно привыкнуть. Человек приучится хладнокровно смотреть и на смертную казнь. Так и розга, часто употребляемая, теряет свое нравственно-исправительное действие. Поэтому гораздо надежнее и несравненно сообразнее с правилами

благоразумной педагогики принять в основание не строгость, а ответственность наказания с характером проступка. Идеал справедливого наказания есть тот, чтобы оно происходило, так сказать, само собою из сущности самого проступка. Розгу из нашего русского воспитания нужно бы было изгнать совершенно. Если для доказательства ее необходимости и пользы приводят в пример воспитание в Англии, то на это нужно заметить, что розга в руках английского педагога имеет совершенно другое значение. Где чувство законности глубоко проникло все слои общества, там и самые нелепые меры не вредны, потому что они не произвольны. А там, где нужно сначала еще распространить это чувство, розга не годится. Унижая нравственное чувство, заменяя в виновном свободу сознания робким страхом с его обыкновенными спутниками: ложью, хитростью и притворством, розга окончательно разрывает нравственную связь между воспитателем и воспитанником; она и там ненадежна, где еще существуют патриархаль-

ные отношения. И если грубое телесное наказание от рук родного отца делается иногда невыносимым, то в воспитании, основанном на административном начале, оно делается унижительным. Но нельзя еще у нас вдруг вывести розги из употребления. Пока сеченные дома дети будут поступать в наши воспитательные учреждения, трудно еще придумать что-нибудь другое для наказания (но крайней мере вначале) в случаях, не терпящих отлагательства. Нам покуда ничего не остается более, как принять за правило: употреблять это средство с крайнею осторожностью и только там, где позорная вина требует быстрого, сильного и мгновенного сотрясения. Но это сотрясение тогда только и может достигнуть своей цели, когда оно будет употреблено редко, но безотлагательно, следуя непосредственно за проступком, очевидность которого не подлежит никакому сомнению («Журнал для воспитания», 1859, № 11, стр. 115).

Сообразите этот пункт с общей целью «Правил», проследите отдельные положения

этой самой тирады, и вам представится изумительная путаница понятий, бестолковейший разлад противоречащих мыслей. Как будто вы читаете нелепейшую хрию{13} начинающего обучаться риторике семинариста, где все основания подобраны для подтверждения вывода, совсем противоположного тому, какой действительно сделан им в заключении, согласно заданной теме. Возьмите, например, хоть следующие положения из «Правил»:

Первая посылка. «При господстве административного начала в наших учебных учреждениях первым шагом к улучшению нравственной стороны воспитания *может служить только развитие чувства законности и справедливости между учащимися*» («Журнал для воспитания», стр. 115).

Вторая посылка. «Где чувство законности глубоко проникло все слои общества, там и самые нелепые меры не вредны, потому что они не произвольны. А там, где нужно сначала еще распространить это чувство, розга не годится» (стр. 115).

Можно, конечно, спорить против второй посылки, можно спросить: отчего же разви-

тие чувства законности дает привилегию на розгу? И что это за странное правило: пока в человеке нет чувства законности, так его пороть не следует; а как только это прекрасное чувство появилось – пори его: *не вредно*, дескать... Но оставим это в стороне, станем бесприкословно на точку зрения г. Пирогова и повторим его слова:

«Чувство законности, так еще мало заметное в нашем обществе, нигде между тем столько не нужно, как у нас в России» (стр. 110). Поэтому при воспитании общественном надо как можно более стараться о развитии чувства законности. Для развития этого чувства **розга не годится**.

Ясно, стало быть, – возрадуемся: в Киевском округе детей не будут пороть, потому что розга совершенно противоречит достижению тех благих целей, какие имел г. Пирогов при составлении своих «Правил»... Не так ли?

Выходит, что не так!.. Весьма красноречиво доказавши гнусность и возмутительность розочной науки, г. Пирогов вдруг поражает нас крутым оборотом: *«Но нельзя еще у нас вдруг вывести розгу из употребления»*.

«Отчего же нельзя?» – спрашиваете вы в изумлении. Оттого *нельзя*, что «*трудно* придумать что-нибудь другое для наказания в гимназии детей, уже прежде сеченных дома...»

Но скажите, пожалуйста, – неужели это удовлетворительный ответ? И во-первых – разве *трудно* и *нельзя* одно и то же? *Трудно* придумать что-нибудь другое, – но, значит, все-таки *можно*? Ну и потрудитесь. На то ведь и существуют все эти педагогические советы, инспекторы, директора, попечители и т. д.... Не за исправностию же пуговиц смотреть они поставлены; не могут же они ограничить свою деятельность только механическим применением к новому поколению старой рутины... Не в том же только и состоит их задача, чтобы составлять полицейские расписания, за что лишать ученика пирога, за что супа, а за что и целого обеда, за какой проступок держать его под арестом один день, за какой – три. Все эти подвиги на пользу воспитания слишком жалки, чтобы из-за них уволить себя от других забот – например, о том, чтобы приискать новые способы наказаний в учи-

лицах, более рациональные и менее позорные (особенно для наказывающего), чем розги...

Далее – что это значит: «нельзя *вдруг* изгнать розгу»? Какая же тут может быть постепенность? Уменьшать число ударов, что ли? Так ведь тут дело не в числе ударов, а в самом способе наказания. Или вы хотите соблюсти постепенность тем, чтобы не определять розог даже и за некоторые такие случаи, за которые прежде пороли нещадно? Но в определении частных случаев вы должны руководиться уже частными педагогическими соображениями, которые, во всяком случае, должны согласоваться с принятыми в вашем кодексе принципами. Если вы допустили розгу в своем принципе воспитания, то вы тем самым признали уже законность ее как полезной педагогической меры. Значит, вы и должны будете удерживать ее постоянно, покамест не изменится ваш взгляд на сущность самых проступков, признанных, по-вашему, достойными розог... Таким образом, ваше *вдруг* не имеет никакого практического смысла, потому что ни одна человеческая голова

не в состоянии вывести разумной постепенности, которой вы, по-видимому, добиваетесь в отменении розог... Кажется, это ясно...

Нам могут заметить, что г. Пирогов – или киевский комитет, что одно и то же – вовсе не признает пользы розог, а только видит невозможность от них избавиться. – Но мы с этим никак не можем согласиться. Помилуйте, какая же может быть невозможность – не сечь?.. Если бы сечение мальчиков было такою же настоятельной, естественной потребностью и необходимым условием жизни, как, например, пища и питье, тогда бы можно говорить о невозможности. Не есть, не пить – действительно нельзя; но не сечь – это очень можно, кажется! А для попечителя округа очень легко даже и других остановить от сечения. Стоит только положить правилом, что сечь в гимназиях ни в каком случае не следует, – и не будут сечь... И, без всякого сомнения, г. Пирогов так бы и сделал, если бы он признавал розги решительно ни к чему не годными. Если же он допустил еще их оставаться в гимназиях, то, конечно, потому, что признал их пользу хотя до некоторой степе-

ни. Иначе сказать – он признал, что в некоторых случаях розга составляет самое лучшее наказание, какое только возможно *в настоящее время*.

И выходит, стало быть, что розги торжествуют в киевской педагогике потому, что оказалось в них какое-то удобство, а вовсе не потому, чтобы невозможно было их отменить!

Да тут, впрочем, даже и выводить-то нечего: г. Пирогов сам сознается, что розгу и можно бы заменить, но что только *трудно* придумать что-нибудь вместо нее!..

В чем же, однако, состоит это удобство розги, по мнению киевского педагогического комитета? Он не объясняет своих воззрений, но дело ясно само по себе. Тем-то именно и хороша розга, что избавляет почтенных педагогов от придумыванья новых, более гуманных и толковых, педагогических приемов{14}. «Нельзя же вдруг», – говорят «Правила», и в этом восклицании является перед вами вся прелесть, все барское блаженство обломовщины... Вы помните, как Обломов говорит: «Да как же это вдруг?» – когда ему является

надобность переменить квартиру. Он, в своей барской наивности и лени, воображает, что квартиру менять можно исподволь, понемножку, – сначала переднюю сделать в другом доме, потом кухню перенести на новую квартиру, так, чтобы обед оттуда на старую носить, и т. д. Подобно этому и наши педагоги воображают, что розги отменить можно как-то исподволь, не вдруг... Может быть, на следующий год в Житомирской гимназии высекут уж не 290, а только 289 человек, потом 288 и т. д. Посмотришь – через три столетия дойдет до того, что и вовсе перестанут сечь. Значит, дело-то само собою обделается! А то – шутка ли! – сиди да думай, чем и как заменить розгу! А это так *трудно!*..

Скажут, что мы преувеличиваем – что сам г. Пирогов с своим комитетом вовсе не хочет розог, что он их оставляет только как временное, необходимое зло, что *вдруг* имеет значение – «сейчас же, в сию минуту» – то есть до тех пор, пока еще не придуманы другие меры в замену розог... Да, мы сами желали бы так думать; но, к сожалению, все это не ладится с «Правилами» – исключая, разумеется, того,

что киевский комитет действительно сам не хочет розог... Дело, видите ли, в том, что г. Пирогов отрекается от всякой инициативы в этом деле, не только теперь, но и в будущем, на неопределенные времена. Он говорит, что розгу нельзя изгнать из учебных заведений до тех пор, *«пока сеченные дома дети будут поступать в наши воспитательные учреждения»*). Значит, учреждения эти не подадут благого примера, а будут по-прежнему пороть детей – более или менее – до тех пор, пока поронье это не будет истреблено во всех концах и закоулках России!.. Какая утешительная перспектива! И как она хорошо отвечает тем надеждам, какие мы имеем на близкое будущее в отношении к развитию народного образования! Теперь, как известно, гимназическим учением пользуются почти исключительно дети дворян, чиновников и купцов. С развитием промышленности и освобождением крестьян можно ожидать, что в гимназии будет поступать значительное число детей мещан, торговцев, ремесленников всякого рода и земледельцев. Ежели теперь из привилегированных классов общества поступают в гимназии

дети, уже сеченные дома, то, конечно, нельзя ожидать, чтобы в низших классах розга очень скоро вывелась в семейном воспитании. Следовательно, сеченные дома дети будут еще очень долго поступать в наши заведения, и на этом основании наша родная педагогика останется верною розге!.. А может, для ускорения возможности изгнать розгу запретят поступать в гимназии детям ремесленников и вообще низших классов?

Что ж? – судя по основательности и дальновидности, какие обнаружены киевским комитетом; можно думать, что еще и эта мера когда-нибудь будет пущена в ход – если не в видах изгнания розги, то по каким-нибудь другим соображениям...

А на каком основании – спросим еще – киевские педагоги решили, что с детьми, уже раз сеченными, иначе нельзя обойтись, как посредством розги?.. Этого они опять не объясняют в своих «Правилах». А так уж, видно, – коли прежде пороли, так и потом надо пороть... Способ воззрения, как видите, тот же самый, по которому говорили, бывало, иные мыслители: «Нельзя мужика на волю отпу-

стить, пока он коснеет в своей грубости и не имеет чувства законности и сознания собственного достоинства». Милые мыслители не хотели и слышать о том, что мужик до тех пор и не приобретет всех этих прелестных вещей, пока не будет на воле. Так точно и киевские педагоги – ни под каким видом не хотят, как видно, допустить, что натура «сеченных дома детей» тогда только и смягчится и делается чувствительною к наказаниям более человеческим, – когда хоть в школе-то не станут их драть, а будут обращаться с ними по-человечески. А то, разумеется, – дома дерут, в гимназии дерут, везде розочная круговая порука – поневоле тут огрубеешь!..

И ведь хоть бы что-нибудь устраивалось и обеспечивалось этим умилительным допущением розог в педагогику киевских воспитателей! А то решительно ничего, кроме разрушения прямой цели «Правил» (розга мешает «развитию чувства законности», для которого составлены «Правила»)… Вероятно, те практики, которые из 600 гимназистов секут в год 290, остались очень довольны уступкою, сделанною в пользу их постоянных воззрений, и,

признаемся, – только желанием сделать им
удобное и можем мы объяснить торжество розог,
допущенное г. Пироговым в сонме педагогов
Киевского учебного округа. Только совершенным
несогласием истинных убеждений г. Пирогова
с принятой мерою можно до некоторой степени
оправдать ту страшную легкомысленность и
противоречия, какие встречаются в каждой
строчке «Правил» там, где говорится о телесном
наказании. Заглянем в табличку проступков и
наказаний, которая, по словам г. Пирогова,
должна быть развешена на стенах во всех
классах гимназий Киевского округа и к которой
провинившегося ученика должно подводить и
молча указывать ему то место, где поименован
его проступок с соответствующим ему наказанием.
В этой табличке мы найдем решительное
уничтожение всех общих фраз, сказанных г.
Пироговым в пользу розог в гимназиях.

Г-н Пирогов утверждает, что поневоле
приходится детей, уже сеченных дома, сечь и в
гимназии – *«по крайней мере вначале»*. Из
этих слов можно заключить, что розги
принимаются в гимназии, собственно, для того,

чтобы не слишком резок был переход от жесткого домашнего воспитания к гуманному обращению в гимназии. Сначала мальчика станут посекать понемножку, а потом постепенно будут отставать от этого приятного упражнения... Если бы так – то в таком образе действий была бы еще некоторая последовательность. Но посмотрите в таблицу, и вы увидите совсем не то: каждый мальчик может быть наказан розгами *только один раз* и затем, после вновь сделанного проступка, *увольняется из заведения*. Значит, какой же смысл имеет оговорка г. Пирогова, что сечь нужно – *по крайней мере вначале*? Какие же тут «*по крайней мере*», когда положено: высечь раз мальчика, а потом в следующий раз – уже выгнать из заведения? «Вначале» – хорошо начало!

Недурно также и общее определение случаев, когда розга необходима. Она, видите, необходима «*в случаях, не терпящих отлагательства, и должна следовать непосредственно за проступком там, где позорная вина требует быстрого, сильного и мгновенного сотрясения*».

Да простит нас почтеннейший кандидат филологических наук Н. А. Миллер-Красовский, которого мы так резко упрекали в прошлом году за изобретенное им *моментов действие!*{15} Нам не шутя совестно перед ним... Мы почли его тенденции чудовищно редким явлением в среде наших педагогов; мы имели наивность выразить мнение, что уже самая степень кандидата университета должна была бы оградить его от подобных нелепостей. Каемся: мы тогда имели слишком розовый, слишком лестный взгляд на наших педагогов вообще. Теперь мы видим, что г. Миллер-Красовский был только одним из представителей этого почтенного и премудрого сословия – не более. Он в некоторых отношениях был даже последовательнее многих из своих собратий. Так, например, проводя свою идею о «моментном сотрясении», он находит, что розга берет все-таки сравнительно довольно много времени, и потому гораздо лучше вместо ее употреблять пощечину. Это по крайней мере логично. В «Правилах» Киевского округа и того нет. Там положено, что розги (долженствующие, собственно, следовать *непосредственно*

за проступком для произведения *быстрого, сильного и мгновенного сотрясения*) назначаются не иначе, как «по определению педагогического совета, по большинству трех четвертей голосов по закрытой баллотировке». Скажите же, скоро ли вся эта история может быть произведена в гимназии? И возможно ли по поводу каждого из подобных проступков немедленно собирать педагогический совет? Да притом же многие из проступков, подлежащих розгам, могут, по самому существу своему, нуждаться в предварительном расследовании, во время которого, по кодексу г. Пирогова, для виновного назначается арест. Где же тут *непосредственное* следование наказания за проступком? Где тут *мгновенное сотрясение*? Нет уж, право, лучше пощечина г. Миллер-Красовского!

А не угодно ли полюбоваться, какие проступки наказываются розгами. Мы их сейчас перечислим; заметим только наперед, что все наказания имеют три степени, определяемые разными обстоятельствами проступка. Розгами наказывается: *воровство, к которому причисляется и кража сабак*[2], – во второй сте-

пени. Затем розги определены – в третьей степени – «за оскорбление посторонних и принадлежащих к заведению лиц вне их службы (то есть начальников, надзирателей, чиновников и прислуги) – словом, письмом и делом, – за оскорбление товарищей словом, письмом и делом»; во второй степени «за оскорбление начальствующих лиц во время исправления ими служебных обязанностей – словом, письмом и делом». Наконец, розгами же наказывался – что бы вы думали?.. этого, кажется, и самому г. Миллер-Красовскому никогда бы в голову не пришло! – розгами наказывался – дико повторить! – «оскорбление товарищей за веру (фанатизм)»!!! Мы долго не хотели верить глазам своим; но наконец не могли не убедиться. В графе проступков, под № 27, стоит в таблице: «оскорбление товарищей за веру»; в скобках поставлено: «фанатизм», В графе наказаний стоит против этого отметка: «наказывается как оскорбление посторонних лиц – см. № 14», Смотрим № 14; там стоит: «оскорбление посторонних лиц» и пр. – наказывался: в первой степени – выговором, во второй – выговором с угрозою розог, в тре-

тьей – розгами!.. Итак, действительно – «Правила» предписывают сечь за религиозный фанатизм!!

Оставим пока в стороне все инквизиционное безобразие последнего случая и спросим об одном: какие из указанных *преступлений* могут быть подведены под те основания, которыми утверждает г. Пирогов необходимость розги? Отчего именно за воровством, к которому причисляется и кража собак, за оскорблением разного начальства и за фанатизмом – должно следовать безотлагательное, мгновенное сотрясение посредством розги? И припомните еще, что розга назначается только в трех низших классах, да и там уже делается изъятие для шестнадцатилетних, если таковые случатся. Значит, в большинстве случаев будут пороть мальчиков, которых проступки еще не заключают в себе ничего серьезного. Мальчик раз стащил у товарища карандаш – ему выговор от совета; в другой раз он завел к себе чужую собаку – его выпорют. Поссорился мальчик с гувернером, который сам его на это вызвал, – под арест мальчика; опять поссорился, уже без вызова с той сторо-

ны, – его секут. А за розгами – не надо забывать – следует непременно удаление из гимназии после вновь сделанного проступка! И это при просвещенных «Правилах» – может произойти вследствие брюзгливости или неуживчивости какого-нибудь гувернера, учителя или чиновника гимназии. «Правила» явно узаконяют эту брюзгливость и все капризы начальства, когда в графе обстоятельств, *определяющих три степени вины и наказания*, ставят, против оскорбления начальства, – *вызов со стороны начальника!!* Это, конечно, признается за *circonstance attenuante*[3] и *уменьшает наказание*. Какое великодушие! Мальчика не секут за то, к чему его сами же принудили! А нам кажется, что уж если непременно хочется сечь кого-нибудь, то во всех подобных случаях гораздо было бы основательнее – высечь этого начальника, который так ловко умеет вести себя с воспитанниками. Ему-то именно и было бы полезно мгновенное сотрясение, чтобы заставить его образумиться. Да притом, видя такое беспристрастие со стороны «Правил», гимназисты действительно подвинулись бы

к уважению закона. А то ведь стоит только повторить слова того же г. Пирогова в тех же самых «Правилах», чтобы видеть, как эта казнь за обиду, вызванную начальником, разрушает все здание законности, которое г. Пирогов желал построить на своем кодексе проступков и наказаний. «Произвол и каприз воспитателя, – говорит г. Пирогов, – вызывает, по закону противоречия, такой же произвол и каприз и в воспитаннике». Стало быть, сколько вы воспитанников ни сажайте под арест, сколько ни секите, сколько ни исключайте, – но пока у вас остаются воспитатели капризные и вызывающие на грубость – до тех пор в остальных воспитанниках (хотя бы их после вашего разгрома осталась только десятая доля) неминуемо будет проявляться и дерзость, и оскорбление начальства, и произвол.

И – странное дело! – «Правила» начертаны для того, чтобы развить в воспитанниках чувство законности и справедливости определением *точных, положительных и одинаких правил о проступках и наказаниях*; а между тем произволу начальства везде оставлен са-

мый широкий простор, и именно за проявление личности воспитанника, за его нежелание подчиняться произволу каждое гимназическое начальство может при первом удобном случае выдрать его, а потом выгнать без дальних слов. Обязанности начальников всякого рода и учителей в отношении к гимназистам не определены; напротив, сам кодекс говорит, что начальник может быть безрассуден и груб – может *сам вызывать* на обиду. Представьте же теперь положение мальчика, воспитывающегося в одной из гимназий Киевского округа. У него в классе на стене висит *таблица проступков и наказаний*; возле этой таблицы стоит или сидит взбалмошный учитель (или таких уж не бывает никогда?), который назойливо напрашивается на грубость, подвергая ученика всевозможным оскорблениям. Но учитель в это время все-таки *исправляет* свою служебную обязанность; за грубость ему – строгий арест, розги, исключение... Мальчик это знает, что ему делать? Скрепиться и вынести все безропотно. А какие мысли, какие чувства прорежут в это время его молодую голову и сердце? Вероятно, в

нем будет развиваться в эти минуты благоговение к кодексу г. Пирогова, чувство законности и справедливости?!

Определяя значение своего кодекса, г. Пирогов боится, чтобы ученики не воображали, что теперь судьба их зависит от мертвой буквы, и для того говорит: «Напротив, опыт должен скоро убедить их, что самое главное дело – *точное исследование и правосудное приложение правил, содержащихся в кодексе, к каждому данному случаю – все-таки предоставлено воспитателям*». Заметим, что воспитателям предоставлено кодексом *не только правосудное, но и совершенно неправосудное* приложение правил: они ничем не связаны в своих действиях, личность их строжайшим образом ограждена от всякого протеста гимназистов. Но положим, что воспитатели все идеально хороши; мы все-таки не понимаем, каким образом при этом условии кодекс г. Пирогова может достигать своей цели – развития чувства законности. Ведь сам же г. Пирогов сознается, что истинно справедливое наказание есть только то, «которое естественно, само собою проистекает из сущ-

ности проступка»... А из какого же проступка естественно проистекает розга? И каким образом случилось, что большинство наказаний телесных определяется за оскорбление начальства? Не вправе ли воспитанники уже в самом этом определении видеть – не законность, а самый неосновательный, самый возмутительный произвол? Кажется, у начальства и без розог довольно много средств оградить свою личность от оскорблений воспитанников. Да и, наконец, кто же мешает начальству всякой гимназии поставить воспитанника в такое положение: «Ты к нам поступил, так нас уважай я слушайся; если же не хочешь исполнять этого условия, то убирайся вон». Мы знаем, что многие хорошие учителя употребляют эту меру в классах. Если ученик шалит и шумит, они говорят ему: «Если не хотите слушать, то не угодно ли вам выйти из класса!» И после этого ученик обыкновенно присмирет... Скажут, что выгнать из гимназии – вовсе не то, что выслать из класса; увольнение во многих случаях может доконать мальчика, если он не имеет возможности поступить в другое заведение. Но ведь, во-

первых, мы предполагаем начальство идеально хорошее, неуважение к которому вполне заслуживает подобного распоряжения; во-вторых, и по кодексу г. Пирогова за розгами следует непременно удаление ученика из гимназии – да еще не просто увольнение, а *исключение*, которое всегда соединено с отметкою неодобрительного поведения и с повешением по всем гимназиям округа. Это значит – если применить к учителю – по-нашему, учитель просто высылает ученика из класса, а по кодексу – прибьет сначала, потом выгонит, да еще в педагогическом совете пожалуется. Разумеется, таким образом действий учитель доказывает только свой мстительный характер и отсутствие всякого уважения к самому себе.

А какова соразмерность наказаний в «Правилах»!.. Воровство, как мы видели, наказывается в первой степени – *выговором от совета с угрозою розог*, во второй – *розгами*, в третьей – *исключением*. *Лихоимство же – черной доской, черной книгою и, наконец, – увольнением по прошению!*.. А между тем что же такое лихоимство, как не самый гнусный вид

воровства? И не должно ли его наказывать строже уж и потому, что в жизни всякого гимназиста, когда он будет служить, представится гораздо более поводов к лихоимству, нежели к простому воровству; следовательно, при самом воспитании, в самых юных летах, нужно как можно тщательнее следить за проявлением этого порока и уничтожать самые первые его зародыши. Какими же соображениями руководился г. Пирогов с своим комитетом, когда воровство так грозно карал сравнительно с лихоимством? Точно так же – оскорбление начальства требует *розог* и *исключения*, а «уничтожение письменных распоряжений начальства» – только *карцера* и *увольнения*, которые могут быть назначены, например, и за *курение табаку*, наказываемое по «Правилам» как «нарушение благочиния и формы в школе». Вот какого свойства *законность*, вводимая «Правилами»!

Таких несообразностей много в «Правилах», но мы уж не станем разбирать их в подробности, потому что все «Правила» – в своей общности – составляют одну изумительнейшую несообразность с здравым смыслом.

Предоставляем разбор их записным педагогам. Мы же остановимся только на том, что прямо относится к розгам, которыми мы занялись специально в этой заметке... В отношении к этому предмету есть еще весьма любопытные вещи в «Правилах».

Как вам поправится, например, то, что г. Пирогов заставляет самих же гимназистов низших классов сечь своих товарищей – то есть не руками сечь, а определять им наказание розгами. Странно, как это учреждение пресловутого Elirengericht[4] могло совместиться с розочными понятиями; но это совмещение – несомненный факт. Под № 15 за оскорбление товарищей определено, кроме прошения извинения у обиженного с удовлетворением его, – в первой степени для всех классов *выговор от совета*, во второй – *выговор от совета с угрозой розог* для низших классов и с угрозой исключения для высших, в третьей – *розги* для низших, а для высших *исключение*. Внизу этого номера приписано: *«Определение степени вины и наказания предоставляется товарищам»*. Таким образом, бедные мальчики принуждены выби-

рать одну из трех казней для своего товарища, и если они очень раздражены, то, определяя *третью* степень, должны сами обречь товарища на порку!..

Какой мир и согласие должны после этого господствовать в классе!.. И вот как прививаются нашим детям гуманные чувства!..

Не забудем еще, что к числу этих оскорблений товарищей отнесен потом и *фанатизм*. Вспомним и то, что такое постановление сделано в Киевском округе, где католиков в гимназиях едва ли не больше, чем православных. По крайней мере в Киевском университете в прошлом году было православных только 376, а католиков 525, а известно, что большая часть поступающих в университет выходят из гимназий (в нынешнем году в Киевском университете – 864). Следовательно, религиозные споры и столкновения могут быть весьма часты; их нужно бы устранять, примирять. А тут г. Пирогов велит ученикам рассудить самим, высечь ли товарища их за религиозный фанатизм или только выговор ему дать. Само собою разумеется, что при этом класс разделится на два враждебные лагеря: католики

будут говорить свое, русские – свое, и которых больше, те и победят. Два-три случая таких – и раздражение товарищей друг против друга дойдет до невероятной степени... Очень хорошо!

Но довольно. Нам самим стало как-то скверно, когда мы погрузились в этот грязный и темный омут, названный «Правилами о проступках и наказаниях». Боимся, чтобы того же самого не сделалось с читателем... Во всяком случае, читатель видит, что кодекс г. Пирогова вполне противоречит той цели, которая объявлена самим его составителем. Втиснув все детские проступки в 27 номеров и в три степени, оговорив для каждого по два – четыре смягчающих и усиливающих обстоятельства, г. Пирогов надеется устранить этим произвол и разнообразие взглядов на проступки в разных гимназических начальствах. Какая наивность, достойная скорее какого-нибудь московского публициста, нежели автора «Вопросов жизни»! Как будто разница наказаний в школах зависит главным образом от разницы взгляда начальства на тот *род* проступков, к которому данный случай отно-

сится!.. Вовсе нет. Все начальники могут быть согласны в теоретическом воззрении на преступность, например дерзости. Но один может видеть дерзость в нарушении учеником основных правил школы, другой – в противоречивом ответе, третий – в том, что мальчик смотрит ему прямо в глаза... То же самое и во всех других случаях. И поверьте, что и при вашем кодексе вовсе не устраняется возможность того, что в гимназиях будут сечь от 40 до 300 человек из 600!.. Поверьте, что не одни наказания зависят от наказывающих, а не от наказываемых, но и значительная доля самых проступков. Не оттого только в одной гимназии больше дерут, а в другой меньше, – что в одной смотрят на проступки иначе, чем в другой... Нет, в них и ведут воспитанников различно: к чему в одной гимназии не подадут ни малейшего повода, о чем в ней и понятия не имеют, с тем ученики другой гимназии сталкиваются каждый день и часто поневоле должны изменять свое поведение. С человеком спокойным, рассудительным и благожелательным трудно завести ссору и пойти на грубость и оскорбление. Но человек гру-

бый, взбалмошный, бестолковый – хоть кого выведет из терпенья и вызовет на дерзость и даже на оскорбление более существенное... Это один вид школьных проступков; но в жизни училища много и других видов, которые точно так же обуславливаются общей организацией школы и той обстановкой, в какой находятся воспитанники... Вот на это-то и следовало бы обратить внимание г. Пирогову. Как попечитель округа, он имел к этому полную возможность.

Но оставим г. Пирогова с его «Правилами» и скажем теперь несколько слов о себе и о той общественной морали, какая выводится из киевских розог. Для этого обратимся к началу нашей статьи и повторим: «Время сказочных богатырей давно прошло! Не нужно нам ни сказок, ни богатырей! Стыдно тому, кто еще до сих пор возлагает свои надежды на, каких-то современных Добрынь и Ерусланов!»

Да, стыдно человеку современного общества быть столько малодушным и наивным, стыдно – это мы сами первые сознаем и заявляем публично. Не то горько нам, что мы,

превознося в прошлом году г. Пирогова, показали себя легковерными и увлекающимися; не то горько, что между нашими похвалами знаменитому педагогу оказалось несколько незаслуженных преувеличений. Нет, нас смущает совершенно другое. Хвалить статьи г. Пирогова, восхищаться силою его логики, его последовательностью и твердостью – мы имели полное право, и в этом отношении нам не в чем раскаиваться. Но мы обнаружили крайнее тупоумие и совершенное непонимание жизни русской, когда осмелились выразить что-то вроде надежд на практическую деятельность восхваляемого писателя. Мы сами впали тогда в применение к нашему времени старинных сказок о богатыре, побившем целое войско... Сами не понимаем, как мы не сообразили тогда, что ведь это только в сказках и бывает... и нам до сих пор совестно за этот удивительный столбняк, нашедший на нас в то время...

Но еще это все бы ничего: не тяжело публично сознаться в своей ошибке, которую сам же первый и заметил, хотя и поздно. Главное горе вот в чем: наши прошлогодние

восторги сделали нас участниками в созидании того пьедестала мудрости, на котором возвышается теперь г. Пирогов. Мы поставили его в пример практическим педагогам, мы указали одному из них, сомневавшемуся в отвратительности розог, на непреклонные, незыблемые убеждения г. Пирогова, решительно отвергнувшего телесное наказание как педагогическую меру и заклеившего розги рядом энергических, неопровержимых силлогизмов... Теперь этот сомневающийся педагог с торжеством скажет нам: «Вы опирались на авторитет Пирогова; смотрите же, к чему пришел он, как только коснулся практики... Невозможно уничтожить розгу в гимназиях!..» И сотни, тысячи подобных сомневающихся педагогов покончат с своим сомнением и решат дело в пользу розог, узнав о том, что *сам Пирогов* признал их нужными и полезными... А сотни и тысячи других, давно уверенных в благотворности всяких экзекуций, поднимут голову и под защитой имени Пирогова яростно накинутся на тех *мальчишек*{16}, которые кричат против розог – до тех пор, как говорят, пока еще чувствуют боль от

розог, ими самими полученных... И сами эти мальчишки, при всей своей уверенности, все-таки будут немало сконфужены, когда увидят, что против них выставлен любимый авторитет их, что их поражают их же собственным оружием... Может быть, многие мальчишки и не найдутся, что сказать, и может быть – некоторые потеряют бодрость и согласятся с почтенными старцами-розгораздателями.

Вот что наделали восхваления и надежды, повсюду раздававшиеся в честь г. Пирогова со времени появления «Вопросов жизни», и мы, мы в этом сделали участниками!! Как хотите, а это очень горько!..

Потребность очистить себя от этого тяжелого греха составляет для нас нравственную необходимость. Вот почему мы поспешили обратить внимание наших читателей на новые тенденции г. Пирогова, проявившиеся уже в практической сфере. Вот почему считаем необходимым, для предупреждения дальнейших недоразумений подобного рода, высказать здесь еще несколько мыслей о том, как здравомыслящему человеку следует, по нашему мнению, смотреть на так называе-

мых общественных деятелей и насколько примыкать к ним свою собственную деятельность.

Человек, сделавший или даже только сказавший что-нибудь хорошее, – есть, без всякого сомнения, человек, сделавший или сказавший что-нибудь хорошее. Бранить его за это нельзя; напротив, нужно сказать, что его поступок хорош или что слова его хороши. Но сказать это нужно не на ветер, не легкомысленно, а с полным сознанием той общей идеи, в силу которой вы утверждаете, что такое-то слово или дело хорошо. Не предавайте своей задушевной мысли, своего внутреннего убеждения – ни за какие всенародные благодеяния, ни за какие всемирные подвиги, совершенные человеком. Если человек, спасши от смерти тысячи голодных бедняков, станет вас уверять, что следует пользоваться плодами чужих трудов для собственного обогащения, – не верьте ему, не считайте этих понятий правильными потому только, что вы слышите их от *такого* человека. Не будьте детьми и дикарями и внутренней, прекрасной истины не превращайте в безобразный

кумир. Рассудите: вы уважали этого человека за то, что видели в нем *любовь* к беднякам, желание *дать* им средства к жизни; только в силу этого приобрел он свой авторитет пред вами, внушил вам уважение к себе. Не забывайте же этого. Как скоро вы видите в нем черты противоположные, как скоро оказывается, что он восстает *против* трудящихся бедняков, что он хочет *отнять* у них средства к жизни, добываемые ими, – вы уже не смотрите на него как на авторитет и т. п., а судите его, как и всякого обыкновенного человека. Может еще оставаться тут вопрос личный: что же значит это противоречие – перемену ли, слабость ли характера или даже прежнюю неискренность? И если окажется, что все прежнее было неискренно, то нужно карать человека этого как лицемера и негодяя; если же просто окажется он слабым или переменчивым, то можно пожалеть о нем... Но все это будет делом чисто личным и никак не должно быть примешиваемо к суду об общественном деле, которого он является защитником или противником... Там нужно судить только о деле, несмотря на то, кем оно защи-

щается и кем оспаривается. Все личные уважения здесь в сторону! Если можно, то следует воздержаться и от всякого увлечения блестящею формою, в которую иной умеет облечь темное дело. Но уж на это, разумеется, у кого уменья хватит... Очень многие могут прийти в восторг от плохой музыкальной пьесы, искусно сыгранной отличным музыкантом, и за это нельзя строго винить таких любителей музыки. Но если придется судить о самой пьесе, то, конечно, лучше отделить личность исполнителя от сущности пьесы, потому что как бы исполнитель ни был хорош, по пьеса сама по себе не делается от этого лучше, чем какую она сотворена своим автором...

Что же касается до определения собственной деятельности сообразно с деятельностью известного общественного авторитета – тут, кажется, нужно еще более осторожности и строгости, нежели при простом обсуждении дела. Разумеется, нет людей совершенных и непогрешимых, и потому, если мы сами не чувствуем себя в силах проложить новую дорогу и вести по ней других, то нам, чтобы не

стоять бесполезно на месте, нужно идти за кем-нибудь и для этого выбрать себе руководителя. Но, отправляясь за ним, мы все-таки должны заботиться всего более о том, чтобы самим иметь понятие о цели пути и о самой дороге. Кроме того, мы не должны думать, что в этой дороге руководитель наш будет нас кормить, поить, одевать и пр. ... Поэтому необходимо все-таки самим работать для себя, ни на миг не опускать руки и зорко смотреть вперед и по сторонам. Говоря ближе к рассматриваемому нами предмету – нет надобности полагать свое спасение в деятельности какого-нибудь известного лица и слепо верить ему, а надо делать дело сообща, пока идет сообща, и продолжать в одиночку, если другие свернут в сторону, хотя бы эти *другие* были превознесены всеми похвалами и украшены всеми венками. Очень простительно и даже, может быть, бесполезно было всему свежему и порядочному в среде русских педагогов примкнуть к г. Пирогову и действовать под его знаменем. Но все-таки само дело должно быть впереди. Как скоро является предложение сечь детей за фанатизм, да еще

по суду товарищей, тут уже все равно, кто бы ни сделал это предложение – г. Миллер-Красовский, г. Орлов-Давыдов или г. Пирогов. Смущаться тут не следует, и тот, кто из уважаемого человека не делает себе идола, никогда не смутится этим...

Но (последнее замечание) нам могут сказать, что иногда следует прощать почтенным личностям отдельные их недостатки и даже не мешать их ошибкам из уважения к тому добру, которое они делали и делают... Иногда это возможно, правда; но чрезвычайно редко, и то в самых ничтожных размерах, и то если ошибки и недостатки более касаются личности, нежели общего дела. Во всяком случае, прежде чем решиться на такую поблажку, нужно строго и строго рассудить: до такой ли степени важна и могуча деятельность такого-то почтенного лица в общем ходе дел и до такой ли степени значительны мы сами в ряду общественных явлений, чтобы от нашего более или менее лицемерного и потачливого обращения с таким-то лицом мог измениться ход событий... Тут можно бы распространиться вообще о значении личностей в истории;

но это было бы уж слишком длинно и, может быть, неуместно. Удовольствуемся повторением того, что времена сказочных богатырей прошли, что общественная жизнь слагается не по щучьему веленью, Иванушкину прошеенью и что от влияния окружающей среды не могут освободиться и самые лучшие личности. Стало быть, нечего возлагать надежды на чужую деятельность, а надобно хлопотать о том, чтобы самому понимать дело и уметь вести его по мере сил и возможности. Тогда мы приобретем две выгоды: не будем лжецами пред самим собою и не будем испытывать мучительных сомнений от идей г. Миллера-Красовского, даже в том случае, если нам станет проповедовать их *сам* г. Пирогов.

Примечания

Условные сокращения

Белинский – Белинский В. Г. Полное собр. соч., т. I–XIII. М., Изд-во АН СССР, 1953–1959.

БДЧ – «Библиотека для чтения».

ГИХЛ – Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. I–VI. М., ГИХЛ, 1934–1941.

ЖМНП – «Журнал министерства народного просвещения».

Изд. 1862 г. – Добролюбов Н. А. Сочинения (под ред. Н. Г. Чернышевского), т. I–IV. СПб., 1862.

ЛН – «Литературное наследство».

Материалы – Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861–1862 гг. (Н. Г. Чернышевским), т. 1. М., 1890 (т. 2 не вышел).

МВед – «Московские ведомости».

ОЗ – «Отечественные записки».

РБ – «Русская беседа».

РВ – «Русский вестник».

РСл – «Русское слово».

СПб Вед — «Санкт-Петербургские ведомости».

Совр. – «Современник».

Чернышевский – Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15-ти томах. М., Гослитиздат, 1939–1953.

Впервые – *Совр.*, 1860, № 1, отд. III, с. 157–182, за подписью «Н.-бов». Вошла в изд. 1862 г. с восстановлением цензурных изъятий.

Статья «Всероссийские иллюзии...» – вклад Добролюбова в обсуждение вопроса об отмене телесных наказаний – одного из важнейших в России середины XIX века. Порождение крепостничества, розга имела широчайшее применение в николаевской России: пороли уголовных преступников из «низших» сословий, солдат в армии, крестьян в помещичьих имениях и государственных деревнях, пороли детей в школах. В воспоминаниях об учебных заведениях 1830–1840-х гг. зафиксировано немало случаев, когда телесное наказание приобретало характер издевательства или изуверской жестокости (см., напр.: Ильинский А. И. За полстолетия. – Русская старина, 1894, № 1, с. 71–74, 78–80; «За много лет. Вос-

поминания неизвестного» – там же, № 2, с. 184–187). Но и оставаясь в рамках закона, телесное наказание исполняло свою социальную функцию нравственного подчинения личности, поддержания сословной иерархии и «авторитета» власти. Поэтому отмена телесных наказаний воспринималась передовой русской мыслью как важнейшая после уничтожения крепостного права общественная задача (см., напр., письмо Белинского к Гоголю). Однако, как показали выступления в печати в конце 1850-х гг., когда вопрос стал предметом открытого обсуждения, телесное наказание далеко еще не было окончательно осуждено в общественном мнении. И дело не только в том, что были еще защитники розог (в основном – среди помещиков, боявшихся оказаться после реформы в соседстве со своими бывшими крепостными без орудия «обуздания»). Главное, что противники телесного наказания часто не находили серьезного обоснования для своей позиции. Поэтому об отмене телесного наказания они говорили как о чем-то желательном, но необязательном, преувеличивали трудности этого дела и

откладывали его осуществление на неопределенный срок. Характерный пример: А. С. Зеленый, либеральный помещик, сочувствовавший литературной деятельности Добролюбова и Чернышевского (см.: Переписка Чернышевского с Некрасовым, Добролюбовым и А. С. Зеленым. М. – Л., 1925, с. 134), в заметке под знаменательным заглавием «Административно-хозяйственный вопрос» спрашивал «гг. помещиков»: «...Нет ли какого средства заменить телесное наказание чем-нибудь другим, столь же действительным, но не столь неприятным?» «Телесное наказание, – объясняет он далее, – имеет в себе нечто отталкивающее... После этого всегда бываешь расстроен... литературная статья не читается, музыкальная пьеса не слушается; жизнь как-то огрубляется, все как-то на душе не ловко, хотя и сознаешь, что совершенный акт наказания есть только исполнение обязанности и что это зло – необходимое» (Земледельческая газета, 1857, № 16, С. 126).

«Современник», для которого попросту не было вопроса «бить или не бить», вплоть до 1860 г. выражал свою позицию подчеркнутым

неучастием в этой полемике и ироническим ее освещением (см., напр., рецензию Добролюбова «Стихотворения Михаила Розенгейма», наст. изд., т. 1, с. 696, и статью «Литературные мелочи прошлого года», наст. изд., т. 2, с. 108–109) – также, как он вел себя по отношению к спорам о пользе грамотности для народа, о гласности и др. Однако признание розог одним из самых серьезных их противников – Н. И. Пироговым, который пользовался громадным авторитетом как гениальный хирург, мужественный участник обороны Севастополя и как педагог-мыслитель, заставило журнал вмешаться в этот спор. Проникнутое пафосом уважения к человеческой личности, страстное «обличение» Пирогова в отступничестве не только продемонстрировало позицию «Современника», но и резко подняло «статус» проблемы, превратив ее из «административно-хозяйственного», педагогического и т. п. в вопрос большой общественной и нравственной значимости. Однако розги – лишь один тематический «план» статьи, второй и не менее важный для Добролюбова – «всероссийские иллюзии». Пироговские «Пра-

вила...» – попытка применения на практике убеждения Пирогова, что решение всех общественных проблем в строгом соблюдении существующих законов, – обнаружили внутреннюю противоречивость такого взгляда. «Закрепляя» сложившиеся школьные порядки, Пирогов был вынужден «закрепить» и их необходимую принадлежность – розги, которые, по его мнению, препятствуют развитию «чувства законности». На примере Пирогова Добролюбов показал несостоятельность надежд общества на либеральных «идеальных чиновников», которые, действуя в рамках существующей общественной системы, вынуждены подчиняться ее логике, независимо от их личных качеств. Развенчивая эти «всероссийские иллюзии», критик тем самым стремился привить своим читателям «системный» взгляд на общество и одновременно – разбудить общественную самодеятельность, скованную вековой привычкой ожидать перемен «сверху».

Статья произвела огромное впечатление. В среде демократической молодежи она была встречена с большим удовлетворением. «Я

помню, как ликовал Михаэлис, прочитав Добролюбова «Иллюзии, разрушенные розгами», – рассказывал впоследствии Н. В. Шелгунов об одном из лидеров петербургского студенчества начала 1860-х гг. (Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания, т. I. М., 1967, с. 247). Но и в либеральной печати пироговские «Правила» поначалу не нашли защитников. Напротив, выступление Добролюбова было поддержано критическими отзывами о киевских «Правилах...» в других изданиях (см.: ОЗ, 1860, № 1, отд. V, с. 29–32; № 2, отд. V, с. 73–74; Григорович А. И. Отчего наказания телесные... упорно удерживаются в системе воспитательных мер? – Русский педагогический вестник, 1860, № 9; Белов И. Д. Необходимы ли наказания в деле воспитания? – Журнал для воспитания, 1860, № 11, 12; Мельгунов Н. А. To be or not to be? Бить или по бить? – Наше время, 1860, № 29, 31 июля). И лишь полтора года спустя, когда смещение Пирогова с поста попечителя Киевского учебного округа вновь привлекло к нему общественное внимание и сочувствие, была найдена «формула» оправдания Пирого-

ва: сохранив розги в гимназиях, он сделал вынужденную, но необходимую уступку отсталой педагогической среде. Причем некоторые защитники Пирогова ставили ему эту уступку в особую заслугу, так как в ней, по их мнению, проявилось стремление попечителя к коллегиальному решению вопросов. В то же время Добролюбов был обвинен в «либеральном деспотизме» и в «оскорблении» заслуженного общественного деятеля (см. статью «От дождя да в воду» и примечания к ней в наст. т.). Сам Н. И. Пирогов ответил своим критикам «Отчетом о следствиях введения по Киевскому учебному округу «Правил о проступках и наказаниях учеников гимназий» (Воспитание, 1861, № 2–4). Отстаивая все основные положения «Правил...», в том числе и сохранение розги, он указывал на то, что хотел «сделать улучшения сейчас, при настоящем порядке вещей» и не мог «иметь в виду никаких радикальных преобразований», тем самым по существу подтвердив главную мысль Добролюбовыми статьи.

Попытки оппонентов Добролюбова свести смысл его выступления к выпадку лично про-

тив Пирогова и обвинения в «либеральном деспотизме» заставили Добролюбова вернуться к этой теме в статье «От дождя да в воду».

Сноски

1

И ты, Брут!{17} (лат.). – Ред.

[^^^]

2

Так замечено в «Правилах»!

[^^^]

3

Смягчающее обстоятельство (фр.). – Ред.

[^^^]

Суда чести (нем.). – Ред.

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Добролюбов имеет в виду, в частности, либерального публициста, бывшего жандармского офицера С. С. Громеку (наибольшую известность получил цикл его статей о полиции – см. примеч. 6 к стихотворению «Наш демон», наст. т., с. 779); Н. И. Пирогова, опубликовавшего ряд статей по вопросам образования и воспитания; откупщика В. А. Кокорева, выступавшего в печати по разным социально-экономическим проблемам (см. примеч. 22 к статье «Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым» – наст. изд., т. 1, с. 841, а также примеч. 31 к статье «Благонамеренность и деятельность» – наст. т., с. 712).

[^^^]

2

Слова в кавычках – не цитата, а, как это часто бывает у Добролюбова, близкий по смыслу пересказ слов старого чиновника в очерке «Неумелые» из «Губернских очерков» М. Е. Салтыкова-Щедрина.

[^^^]

3

В полемике о телесном наказании крестьян на страницах «Земледельческой газеты» принял участие не граф В. П. Орлов-Давыдов, а некий П. Давыдов из Астрахани. В заметке «Еще ответ на вопрос о замене телесного наказания в помещичьих имениях» (1857, № 86) он писал, что «нет необходимости изобретать новые наказания, а лучше заботиться, чтобы не впадать в крайности, употребляя старые наказания», то есть розги. Необходимость сохранения телесных наказаний для крестьян П. Давыдов обосновывал тем, что у них, как и у детей, «физическая натура» якобы преобла-

дает над духовной, поэтому и следует «противудействовать этой натуре физически». «Современник» отозвался на это выступление в «Современном обозрении» (1857, № 11), которое было написано Н. Г. Чернышевским (см.: Чернышевский, IV, 858–859). Ошибочное упоминание Добролюбовым В. П. Орлова-Давыдова объясняется тем, что он был одним из лидеров дворянской оппозиции правительственному проекту освобождения крестьян с наделом. В частности, получило широкую известность его письмо Я. И. Ростовцеву, в котором он обвинял членов Редакционных комиссий в пренебрежении к интересам помещиков и требовал передать дело освобождения крестьян целиком в руки дворянства (см.: Материалы для истории упразднения крепостного состояния крестьян в царствование имп. Александра II, т. 2. Берлин, 1861, с. 110–117).

[^^^]

Вероятно, Добролюбов перефразирует строки из «Евгения Онегина» (гл. 6, строфа XXVI):

*И человека растянуть
Он позволял – не как-нибудь,
Но в строгих правилах искусства...*

Мнение П. Давыдова было поддержано в заметках, опубликованных в «Земледельческой газете» 6 декабря 1857 г. (№ 98). В частности, некто «З.» писал: «Пока крестьяне наши будут стоять на той степени умственной и нравственной неразвитости, на которой теперь стоят, до тех пор едва ли кто найдет средство заменить телесное наказание другими... исправительными мерами»: «грубого и ленивого человека деликатностью не исправишь».

[^^^]

В статьях Г. Ф. Петрово-Соловово («Об отношениях между помещиками и крестьянами на время переходного состояния» – Одесский вестник, 1858, № 47, 48; перепечатана в журнале «Сельское благоустройство», 1858, № 7) и К. А. Рощаковского («Мысли о применении основных начал к действительному улучшению быта помещичьих крестьян» – Журнал землевладельцев, 1858, № 6) предусматривалось сохранение (после реформы) телесного наказания крестьян как по приговору мирского суда, так и по приказу помещика. Выступление славянофила В. А. Черкасского, который в своем проекте пореформенного сельского управления также оставил за помещиками право телесного наказания своих бывших крепостных и вольнонаемных работников, ограничив его 18 ударами (см.: Сельское благоустройство, 1858, № 9), вызвало наибольшее возмущение – особенно на фоне заявлений славянофилов о любви к народу.

Замечание Добролюбова относится прежде всего к выступлениям редактора «Русского вестника» М. Н. Каткова (редакционная «Заметка» – 1858, октябрь, кн. 1, «Изобличительные письма» – 1858, ноябрь, кн. 2; декабрь, кн. 2; подпись «Байборода»), который организовал на страницах этого журнала целую кампанию против В. А. Черкасского. Однако позиция самого Каткова не была достаточно четкой. Указывая на связь телесных наказаний с крепостным правом, он вместе с тем считал их отмену делом отдаленного будущего, так как «в настоящее время», во его мнению, розги являются «самым удобным способом наказания» как для наказывающих, так и для наказуемых. Кроме того в «Русском вестнике» была опубликована заметка С. С. Громом («Несколько слов о статье кн. В. А. Черкасского...» – 1858, ноябрь, кн. 1) и несколько писем в редакцию с возмущенными откликами на статью Черкасского (1858, ноябрь, кн. 1–2). Критические отзывы на эту статью появились и в других изданиях: «Заметка» П. Ч. в

«Московских ведомостях» (1858, № 128, 25 октября) и статья «О новом устройстве сельского управления» в «Отечественных записках» (1859, № 1; подпись: «Ф. С.»).

[^^^]

7

В своем «Объяснении» (Сельское благоустройство, 1858, № 11) В. А. Черкасский лишь частично *отрекся от своих положений*: он признал ошибочным только предложение сохранить после реформы право помещиков наказывать своих крестьян, но оставил это право за сельской администрацией, утверждая, что полная отмена телесных наказаний будет возможна только тогда, когда крестьянские общества смогут содержать на свои средства сельские тюрьмы.

[^^^]

8

Имеется в виду «Заметка» И. С. Аксакова в «Московских ведомостях» (1858, № 130, 30 октября).

[^^^]

9

Противопоставление Н. И. Пирогова и М. Я. Киттары содержится в рецензии Добролюбова «Собрание литературных статей Н. И. Пирогова. Речи и отчет, читанные в торжественном собрании Московской практической академии» (IV, 201–212), которую он прямо цитирует.

[^^^]

10

В конце 1850-х гг. В. Я. Шульгин был известен как либеральный историк. Пользовались популярностью его лекции о Великой французской революции. Учебник В. Я. Шульгина по истории средних веков положительно рецензировал Добролюбов (IV, 188–195).

[^^^]

11

Либеральные славословия *настоящему времени* – предмет постоянных насмешек Добролюбова (см., напр., рецензию на пьесы «Уголовное дело» и «Бедный чиновник» – наст. изд., т. 1).

[^^^]

«Вопросы жизни» – статья Н. И. Пирогова (Морской сборник, 1856, № 9). Основной тезис статьи – воспитание должно способствовать развитию «внутреннего человека», то есть личности, способной занимать самостоятельную и активную позицию в жизненной борьбе, – в условиях начинающейся перестройки самодержавно-крепостнической России получил большое общественное звучание. Статья вызвала многочисленные отклики в печати. «По поводу «Вопросов жизни» была написана и известная статья Добролюбова «О значении авторитета в воспитании» (см. наст. изд., т. 1). По словам К. Д. Ушинского, статья Пирогова разбудила «спавшую у нас до тех пор педагогическую мысль» (Ушинский К. Д. Соч., т. 3. М. – Л., 1943, с. 11).

[^^^]

13

Хрия – небольшое сочинение, представляющее собой развитие той или иной мысли в соответствии с определенными правилами. Семинаристы сочиняли хрии в качестве упражнения в риторике.

[^^^]

14

«Отчет о следствиях введения по Киевскому округу «Правил о проступках и наказаниях учеников гимназий», написанный позднее Пироговым, подтвердил вывод Добролюбова. Там, в частности, говорилось, что телесное наказание – простое педагогическое средство, доступное «самому простому воспитателю», который может прибегнуть к нему, «если не умеет владеть иным, лучшим средством», а «отвергать, что и розгою можно действовать без вреда и даже удачно, значило бы отвергать факт» (Воспитание, 1861, № 2, с. 60, 61).

[^^^]

15

Книгу Н. А. Миллер-Красовского «Основные законы воспитания» (СПб., 1859) Добролюбов подверг уничтожающей критике в двух рецензиях (*Совр.*, 1859, № 6, и *Журнал для воспитания*, 1859, № 9; см.: IV, 397–405, и V, 232–236).

[^^^]

16

Мальчишки – прозвище, данное представителям демократического лагеря либерально-охранительной печатью 1860-х гг. Например, П. Ч. в «Московских ведомостях» (1859, № 95, 23 апреля) назвал «литературным мальчишеством и паясничеством» статью Добролюбова «Литературные мелочи прошлого года» и выступления «Свистка».

[^^^]

Слова Юлия Цезаря из III акта трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» (1599).

[^^^]

[^^^]